

© 2017 г.

Н.П. ТАНЬШИНА

АНТИРОССИЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ГОДЫ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ (1830–1848)

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории отделения истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

Русофобия и проблема так называемой «русской угрозы» имеют глубокие исторические корни. Активная внешняя политика Российского государства, направленная на защиту своих национальных и геополитических интересов, очень часто воспринималась на Западе как экспансия, поток, который необходимо остановить.

В XIX столетии «русская угроза» неоднократно являлась важнейшим фактором международных отношений. Весомое место она занимала во внешней политике постнаполеоновской Франции, а именно – в годы существования режима Июльской монархии (1830–1848 гг.).

К незнакомому, «другому», будь то на уровне межличностном, будь то на уровне государственном, люди испытывают двойные эмоции: с одной стороны, страх, с другой – интерес. Что касается французов, то их представления о России всегда отличались двойственностью и противоречивостью. Как правило, в ее оценке не было «золотой середины»: Россию либо любили, либо ненавидели, либо восхваляли и связывали с ней надежды на будущее европейской цивилизации, либо – гораздо чаще – воспринимали как варварское, деспотичное государство.

Страх перед русскими – «новыми варварами», жаждущими окончательного разорения Франции, – поселился в душах французов на последнем этапе наполеоновских войн. Как отмечает современная французская исследовательница М.-П. Рэй, «достаточно было произнести слово “казак”, означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас среди населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой»¹. Однако после вступления русских войск в Париж весной 1814 г. настроения парижан изменились. Император Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения, предусмотрев суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. В результате казаки, расположившиеся лагерем прямо под открытым небом на Елисейских полях, стали объектом всеобщего любопытства, особенно женщин и детей. Виктор Гюго, которому в ту пору было 12 лет, спустя многие годы напишет, что «страшилища казаки оказались кроткими, как агнцы»².

Прошло 15 лет, и эти опасения, вроде бы забытые, вновь пробудились. В конце июля 1830 г., в ходе «трех славных дней», как именуют французы Июльскую революцию, во Франции был создан новый политический режим – Июльская монархия во главе с королем Луи-Филиппом Орлеанским. Реакция на это событие российского императора Николая I опять спровоцировала во Франции русофобские настроения. Дело в том, что Николай Павлович резко негативно воспринял известие об Июльской революции и приходе к власти «короля баррикад» Луи-Филиппа, которого до конца

¹ Рэй М.-П. Александр I. М., 2013, с. 300.

² Там же, с. 301.

жизни считал узурпатором трона и никогда в официальной переписке не называл в соответствии с этикетом «государь, брат мой». Более того, движимый стремлением защитить незыблемость Венской системы и принципов легитимизма, в первое время государь был решительно настроен организовать совместно с Австрией и Пруссией вооруженную интервенцию во Францию, дабы на корню пресечь распространение революционной заразы и вернуть престол венценосному Карлу X. Французы, сами подерживавшие идею «экспорта революции», в том числе и политическая элита в лице левых либералов, составлявших политический фланг «Движения»³ (Ж.-М. Лафайет, Ж. Лаффит, Ф. Моген, О. Барро), опасались интервенции войск Николая I, которого на Западе тогда сравнивали с Атиллой.

Однако император Николай, несмотря на свою эмоциональность, был политиком весьма прагматичным. Вслед за тем как Луи-Филиппа признала Великобритания, а Австрия и Пруссия не оказали России ожидаемой поддержки, российский государь 18 сентября 1830 г. признал режим, рожденный революцией. Однако контакты между двумя странами были предельно ограничены: Николай I боялся, что его подданные заразятся во Франции революционными настроениями, поэтому разрешения на поездку в эту страну выдавались крайне неохотно⁴.

Опасения французов относительно вмешательства России в их внутренние дела сохранялись и впоследствии, даже спустя год после признания режима. Их озвучил, в частности, тогдашний глава правительства Казимир Перье, политик весьма умеренный, в разговоре с французским поверенным в делах в России бароном П. де Бургоэном, вернувшимся из Петербурга в июне 1831 г. Бургоэн, в августе 1830 г. склонявший Николая I к осторожной политике в отношении Франции, заверил главу кабинета: «Не придумаю слов, чтобы выразить вам, в какую степень негодования это известие (об Июльской революции. — *Н.Т.*) привело его (императора Николая. — *Н.Т.*); но в то же самое время, повторяю, он никогда серьезно не думал нападать на нас. Он с первой минуты понял, что это будет опасная война». В ответ на замечание Перье о том, что Николай I отправил генерал-фельдмаршала И. И. Дибича в Берлин, а генерал-адъютанта А. Ф. Орлова — в Вену, Бургоэн сказал: «Очень может быть. Но с тех пор многое переменялось»⁵.

Между тем французы полагали, что дело было отнюдь не в прагматизме Николая, а в Польском восстании, которое на целый год поглотило силы и внимание российского самодержца. Французы так и говорили: Польша спасла Францию от русской интервенции.

Июльская революция стала катализатором революционного движения в Европе, в том числе и Польского восстания, чего и опасался император Николай. Вице-канцлер граф К. В. Нессельроде в разговоре с Бургоэном даже упрекал французов в подстрекательстве поляков, что вызвало возмущение французского дипломата, заявившего: «Я отвергаю самым формальным образом всякий упрек в непосредственном подстрекании»⁶. Парижские газеты, подливая масла в огонь, публиковали статьи, в которых говорилось, что Николай I якобы напрямую обвинял французов в разжигании Польского восстания. Как отмечал Бургоэн в своих воспоминаниях, корреспондент одной французской газеты вложил в уста государю такие слова: «Воротитесь

³ «Движение» и «Сопrotивление» — два фланга французского либерализма времен Июльской монархии, названного по имени короля Луи-Филиппа Орлеанского орлеанизмом. «Движение» (левый фланг) объединяло сторонников продолжения внутренних реформ и активной внешней политики; лидеры «Сопrotивления» (правый фланг) считали революцию оконченной, выступая против постоянной модернизации французского общества и за упечение уже достигнутого.

⁴ Согласно французским данным, в 1832 г. в Париже проживало 310 русских. См. *Мильчина В. А.* Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь. М., 2013, с. 876.

⁵ Воспоминания барона Бургоэна. — Отечественные записки, 1864, т. 157, № 12, с. 847.

⁶ Там же, с. 839.

к вашим якобинцам; это они зачинщики новой революции». Между тем, писал Бургоэн, эта фраза была совершенной выдумкой. Николай I сказал ему: «Вот печальные известия! Но таково влияние дурных примеров»⁷.

Несмотря на негодование Бургоэна, обвинения Николая I и Нессельроде не были безосновательными. Хотя правительство Луи-Филиппа твердо заняло позицию невмешательства в польские дела, без французской помощи (конечно, неофициальной) поляки не остались. Связи между польскими патриотами и французскими левыми либералами были налажены еще до восстания. Генерал Ж.-М. Лафайет создал «Общество друзей поляков», деятельность которого направлялась возглавляемым им же «Центральным комитетом в поддержку поляков». Параллельно было образовано «Общество цивилизации», имевшее свой руководящий центр⁸. Как отмечал посол России во Франции в 1814–1834 гг. граф Ш.-А. Поццо ди Борго, генерал Лафайет пытался получить деньги для восставших поляков как путем подписки, организованной «Центральным комитетом», и проведения различных лотерей, так и напрямую через министра иностранных дел О.-Ф. Себастьяни, однако последняя попытка успехом не увенчалась⁹.

Кроме того, во Франции появились «Общество католического агентства», принимавшее непосредственное участие в восстании, а также около 100 комитетов в поддержку поляков в различных департаментах. «Центральный комитет» оказал полякам прямую помощь в плане подготовки и проведения восстания. Еще до восстания в Варшаву были отправлены специалисты по организации обороны, а с началом эпидемии холеры туда выехали 40 медиков¹⁰. В донесении российского посла в Вене Д. П. Татищева отмечалось, что «литература революционного содержания доставлялась из Парижа в Варшаву и Краков дилижансами»¹¹.

Действия России по подавлению Польского восстания вызвали резкую критику европейской общественности. В Париже и Лондоне осуждение со стороны интеллектуалов приняло форму настоящей ненависти ко всему русскому. Французские газеты обрушивались с яростными оскорблениями. В парламенте лидеры «Движения» требовали вооруженной интервенции французской армии, чтобы устранить последствия постыдного раздела Польши¹². Несколько раз толпа угрожала разбить стекла в здании российского посольства. Барон Маскле, французский консул в Ницце (входившей тогда в состав Сардинии), писал 3 февраля 1831 г.: «Говорят, что все русские должны будут покинуть Францию, где парижане, охваченные энтузиазмом, вызванным варшавским восстанием, охотно распевают “Варшавянку” Делавиня»¹³.

Взятие Варшавы было воспринято Николаем I как избавление от страшной напасти. 6 октября он пригласил весь дипломатический корпус на торжественный молебен, организованный на Марсовом поле в честь победы России. Барон де Бургоэн, бывший в весьма доверительных отношениях с царем, не мог присутствовать на этом мероприятии, болезненным для французского честолюбия. Уже после молебна он писал:

⁷ Там же.

⁸ Уже после начала восстания комитет Лафайета планировал отправить через Литву оружие полякам. При содействии «Общества цивилизации» было собрано по подписке до 400 тыс. франков, однако деньги поступали медленно, а подготовленное оружие хранилось в Бельгии. Остальные деньги поступили уже после подавления восстания. См. *Ратч В. Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866, с. 10.

⁹ По словам О.-Ф. Себастьяни, Лафайет сначала просил 5 млн франков, потом 3 млн, затем 1 млн и, наконец, 500 тыс., в которых ему тоже было отказано. См. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 469, д. 197, л. 419–419об. Донесение Ш.-А. Поццо ди Борго от 19 февраля (3 марта) 1831 г.

¹⁰ Там же, д. 211, л. 48. Отчет о действиях Центрального комитета и использовании средств.

¹¹ Там же, ф. 182, оп. 783, д. 11, л. 1. Донесение Д. П. Татищева от 21 декабря 1831 г. (2 января 1832 г.)

¹² См., например: *Le Moniteur universel*, 20, 21. IX.1831.

¹³ *Мазон А.* Князь Элим. – Литературное наследство, 1937, т. 31/32, с. 478–479.

«Кажется, император явился на Марсово поле, не будучи подготовлен к моему отсутствию... Надеюсь, что он был убежден в моей невозможности действовать иначе»¹⁴. В разговоре с Бургоэном Николай I сказал: «Да, я знаю, Европа очень несправедлива ко мне и к брату моему Александру... Между поляками и мной всегда существовала недоверчивость»¹⁵.

С начала сентября первые полосы европейских газет отводились статьям о событиях в Польше. Когда 16 сентября 1831 г. парижские газеты сообщили о штурме Варшавы русскими войсками и о поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней (16–18 сентября) происходили антирусские манифестации, для умирения которых потребовалось вмешательство войск. Под окнами здания отеля, где располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша!» Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым сохранив дипломатические отношения между Францией и Россией¹⁶.

Манифестанты заставили все театры отменить спектакли вечером 17 сентября. Крики «Смерть министрам!» гремели по городу. Оппозиционная печать с горечью упрекала правительство в том, что оно оставило Польшу на произвол судьбы. Вечером 16 сентября экипаж, в котором находились министр иностранных дел Себастьяни и глава кабинета Перье, был остановлен толпой на Вандомской площади, и, как отмечал Л.-В. де Брой в своих «Мемуарах», министры «едва избежали исполнения угроз»¹⁷.

Посол Австрийской империи в Париже граф Рудольф Аппоньи записал в дневнике 19 сентября: «Никогда я еще не видел Париж в подобном возбуждении. Умы были разделены между желанием сохранить порядок и стремлением оказать помощь полякам, поскольку еще верили, что Луи-Филипп может что-то сделать»¹⁸.

После подавления восстания Франция наряду с Великобританией стала одним из центров польской эмиграции. К концу 1831 г. в Париже находились 80 поляков — бывших депутатов, сенаторов, журналистов. На 1 января 1832 г. во Франции насчитывалось уже 2828 польских эмигрантов¹⁹. Именно тысячи эмигрировавших в Европу участников Польского восстания сыграли значительную роль в восприятии России как варварского, деспотичного государства, угрожающего свободе европейцев.

Радикальный консерватизм Николая I пришелся на эпоху либерализации Европы, для которой Россия с ее приверженностью традиционным ценностям становилась символом Старого порядка. Русофобские публикации, к которым были причастны поляки, появлялись во Франции все 1830–1840-е годы. В отчете Третьего отделения за 1845 г. сообщалось: «К распространению клевет и лжей на Россию способствуют польские выходцы; они участвуют и в составлении французских пасквилей: это обнаруживается, между прочим, из того, что в статьях и книжках с клеветами на Россию все иноязычные собственные имена искажены и только польские имена написаны правильно»²⁰.

В апреле 1832 г. князь Адам Чарторыйский, когда-то один из «молодых друзей» императора Александра I и российский министр иностранных дел, создал в парижском особняке Ламбер «Литературное общество» — «посольство несуществующего государства», очаг распространения неприязни к России. Это был один из центров польской эмиграции, которые, как говорилось в отчете Третьего отделения, «возжигают

¹⁴ Воспоминания барона Бургоэна, с. 858.

¹⁵ Там же, с. 852.

¹⁶ *Capefigüe J.-B.* Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835, t. 1–2. Bruxelles, 1836; t. 2, p. 220.

¹⁷ *Broglié duc de.* Souvenirs. 1785–1870, t. 1–4. Paris, 1886; t. 4, p. 292.

¹⁸ *Apponyi R.* Vingt-cinq ans à Paris (1826–1850), t. 1–2. Paris, 1913; t. 2, p. 58.

¹⁹ *Ратч В. Ф.* Указ. соч., с. 14–15.

²⁰ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006, с. 364.

искры восстания в Галиции и княжестве Познанском, покушаются умножить в Царстве Польском и Западных губерниях идеи о новом мятеже и склонить в свою пользу умы значительнейших помещиков того края»²¹.

В 1835 г. польская проблема вновь стала одной из самых обсуждаемых в Европе и спровоцировала новый всплеск русофобии. На сей раз ее причиной было выступление императора Николая в Варшаве. Польское восстание явилось для Николая I наглядным примером того, к чему приводят парламент и конституционная монархия. В завещании сыну Александру, написанном в 1835 г., император наказывал: «Не давай никогда воли полякам; упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах»²².

Итак, выступая 5 октября 1835 г. в Лазенковском дворце перед депутацией польских горожан, Николай I заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова». Император прибавил: «Мне тяжело говорить это вам, очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными, но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству»²³.

Эта речь, как уже сказано, была крайне негативно воспринята на Западе. В отчете Третьего отделения за 1835 г. сообщалось: «Нисколько не удивительно, что речь сия ни англичанам, ни французам не понравилась. Исказивши ее и дав ей превратный смысл, они наполнили журналы своими порицаниями, даже грубыми ругательствами. Одна из сих статей, быв по Высочайшему убеждению перепечатана в нашей официальной газете, чрезвычайно всех изумила... И из-за этой речи, в которой является лишь твердое намерение Государя сохранить должный порядок в подвластном ему государстве и в то же время желание сделать подданных своих счастливыми, английские и французские журналы вывели какую-то ужасную драму нынешнего времени, со всеми принадлежащими к ней ужасами: варварства, жестокости, тиранства и разрушения»²⁴. Как отмечалось в отчете, в общественном мнении России даже бытовало мнение, что «таковое действие не может оставаться без отмщения и что последствием сего будет война с Францией»²⁵.

До войны, как известно, дело не дошло, но отношения между Россией и Францией в эти годы были весьма напряженными. Барон Ф. И. Бруннов, ставший в 1839 г. послом России в Великобритании, так излагал наследнику престола, цесаревичу Александру, современные отношения России и Франции: «Сношения наши с Тюильрийским двором... ныне как бы не существуют. Государь не доверяет прочности существующего во Франции порядка вещей»²⁶.

В соответствии с указом от 27 апреля 1834 г. были определены правила пребывания подданных Российской империи за границей. «Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом» теперь составлял пять лет для дворян, для «всех прочих состояний» — три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что делалось весьма редко.

Формально поездки русских во Францию не приветствовались, однако правила и действительность не всегда совпадали. Император делал исключения для отдельных

²¹ Там же, с. 348.

²² Император Николай Первый. М., 2002, с. 214.

²³ Там же, с. 215.

²⁴ Россия под надзором, с. 129–131.

²⁵ Там же, с. 130.

²⁶ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 478.

лиц, например, для князя П. И. Тюфякина, в прошлом директора российских императорских театров, получившего дозволение жить в Париже еще от Александра I, или много лет проживавшего за пределами России дипломата князя П. Б. Козловского. Открыт был путь и многим великосветским дамам, которые по-прежнему подолгу жили в Париже. Это были Софья Петровна Свечина, Анастасия Семеновна Хлюстина (в замужестве г-жа де Сиркур), Варвара Ивановна Дубенская, вышедшая замуж за дипломата Лагрене, княгиня Дарья Христофоровна Ливен, Софья Федоровна Ростопчина, вышедшая замуж за француза графа де Сегюра.

Русские группировались вокруг российского посольства, располагавшегося в 1828–1839 гг. в районе Елисейских Полей, на улице, с 1865 г. носящей название Буасси д'Англа²⁷, а затем переехавшего на Вандомскую площадь. Образцовым представителем парижского света считался граф Поццо ди Борго, хотя в 1814–1834 гг. российское посольство не могло соперничать в роскоши с посольствами Великобритании или Австрии. По сравнению с другими иностранными колониями русская была немногочисленной: согласно тогдашним французским данным, в 1839 г. в Париже проживало 1830 русских²⁸.

Несмотря на стремление короля Луи-Филиппа нормализовать отношения с Россией, дабы обеспечить Франции полноправное место в «европейском концерте», к нашей стране относились настороженно по причинам не только идеологического, но и внешнеполитического свойства. Как только Россия усиливала свои позиции, тут же актуализировалась тема так называемой «русской угрозы». Причем антироссийская волна шла не сверху, она не была инспирирована властью в лице короля или министров, хотя такие настроения были распространены среди значительной части французских политиков. Русофобия становилась модной. Играя на антирусских настроениях, можно было заработать политические очки, сделать имя, завоевать популярность и голоса избирателей, а также финансово преуспеть. Это явление верно подмечено в отчете Третьего отделения, где сообщалось, что часть антирусских нападок во Франции публиковалась по причине личной выгоды: «Примером последнему может служить профессор славянской литературы в Парижском коллегииуме Киприан Роберт, который, вопреки прежним своим мнениям о России, ныне обнаруживает к нам самую непримиримую ненависть. Причина этой перемены заключается в том, что журналисты провозгласили его приверженцем России, а потому и лекции его оставались без слушателей; избрав же направление, согласное с духом времени, он снова привлек к себе слушателей»²⁹.

1 января 1834 г., когда члены дипломатического корпуса поздравляли короля с Новым годом, между Луи-Филиппом и Поццо ди Борго состоялся разговор на вовсе не праздничную тему: в самый канун Нового года в проправительственной газете «Le Journal des Débats» была опубликована статья, направленная против русской политики на Востоке. Луи-Филипп, желая сгладить негативное впечатление от этой публикации, сказал российскому дипломату: «Те, кто возглавляют газету, являются людьми богатыми, независимыми от меня и моего правительства. Хотя обычно они нас поддерживают, зачастую они нас критикуют»³⁰.

Посредством прессы, носившей партийный характер, антироссийские настроения становились предметом широкой гласности; постоянно повторяемые, они незаметно внедрялись в массовое сознание. Тем более что о стране далекой и неизвестной легче всего распространять всяческие небылицы. Обратили на это внимание и посещавшие

²⁷ Улица Буасси д'Англа появилась в 1865 г. в результате слияния двух улиц: Мадлен и улицы Елисейских полей. Названа в честь юриста и политического деятеля Франсуа-Антуана Буасси д'Англа (1756–1826). См. *Мильчина В. А.* Имена парижских улиц. Путеводитель по названиям. М., 2016, с. 74.

²⁸ *Мильчина В. А.* Париж в 1814–1848 гг. Повседневная жизнь, с. 874–875.

²⁹ Россия под надзором, с. 380.

³⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 144, л. 110б.

Париж россияне. В частности, журналист и писатель В. М. Строев, оказавшийся в столице Франции в 1838—1839 гг., отмечал, что газетные «утки» — «статьи чисто выдуманные, для возбуждения ужаса на бирже или в гостиных»³¹, что про Россию и русских «выдумывать легче всего, ибо нас в Париже совсем не знают... Тут обширное поле французскому воображению: оно создает какое-то небывалое царство под именем России и печатает об нем глупейшие басни»³². Историк М. П. Погодин, тогда же бывший во Франции, пишет, как по дороге из Марселя в Париж он разговорился в diligence с двумя попутчицами-старушками, которые проявили абсолютную невежественность в отношении России. Они задавали «смешные» вопросы о том, «есть ли у нас постели, раздеваемся ли мы, ложась спать... О холоде нашем и говорить нечего»³³. Причем Россию плохо знали не только обыватели, но и зачастую интеллектуально искушенные люди. Так, знаменитый писатель Александр Дюма-отец во время разговора с четой Каратыгиных, навестивших его в Париже в 1845 г., назвал Бородинскую битву Полтавской. Это только лишний раз подтверждает, насколько скудными сведениями о России и ее истории располагали французы³⁴.

Помимо польской проблемы, антироссийские настроения во Франции были связаны с обострением Восточного вопроса. В 1833 г. антирусскую волну спровоцировало подписание между Россией и Османской империей Ункяр-Искелесийского договора о мире, дружбе и оборонительном союзе, значительно усиливавшего позиции России на Черном море и в зоне Проливов. Если летом 1830 г. французы опасались нашествия русских «варваров» на Европу, то теперь их страшила экспансия России на Восток. В разговоре с Поццо ди Борго Луи-Филипп выразил надежду, что пребывание русских войск на Босфоре носит временный характер, что Россия не вынашивает захватнических планов, а ее действия продиктованы стремлением сохранить статус-кво в Османской империи. «Император сделает то же, — заметил король, — что я совершил в Бельгии; он отзовет свою эскадру, как только безопасность султана будет обеспечена»³⁵.

Характерная деталь: как только появлялась «русская угроза», так сразу же отступали на второй план острые противоречия между Францией и Великобританией. 27 августа 1833 г. послы Франции и Великобритании в Константинополе заявили Блистательной Порте, что их правительства считают договор недействительным и оставляют за собой свободу и независимость действий. В их ноте говорилось: «Если условия этого соглашения повлекут вооруженное вмешательство России во внутренние дела Турции, то европейские кабинеты оставят за собой право действовать в подобном случае любым способом, так, как если бы договора не существовало»³⁶.

Кроме того, английский и французский флоты демонстративно заняли позиции у берегов Турции, что вызвало серьезную озабоченность Петербурга³⁷. В то же время французское правительство не собиралось вступать в войну с Россией, осознавая непрочность порядка вещей в самой Франции. Исходя из этих соображений, кабинет Н. Сульта ответил отказом на предложение Великобритании усилить англо-французские военно-морские силы в Дарданеллах для нанесения удара по русскому флоту.

³¹ Строев В. М. Париж в 1838 и 1839 годах, ч. 1—2. СПб., 1841; ч. 2, с. 90.

³² Там же, с. 91.

³³ Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник, ч. 1—4. М., 1844; ч. 1—2, с. 206.

³⁴ Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия. — Литературное наследство, 1937, т. 31/32, с. 518.

³⁵ См. АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 161, л. 191об. — 192.

³⁶ Цит. по: Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 65.

³⁷ Поццо ди Борго в разговоре с королем Луи-Филиппом, в частности, отметил, что принятые французским и английским правительствами меры «не соответствуют состоянию вещей» и являются «предлогом для наблюдения за воображаемым движением России». — АВПРИ, ф. 187, оп. 524, д. 116, л. 5об. Донесение Ш.-А. Поццо ди Борго от 2 (14) января 1834 г.

Напротив, значительная часть французской эскадры была отведена к Тулону (часть английского флота — на Мальту)³⁸.

Если до реальной войны дело, к счастью, не дошло, то информационная была в разгаре. В отчете Третьего отделения для ее обозначения использовалось словосочетание «журнальная война»³⁹.

Хотя мнения частных лиц казались императору Николаю не заслуживающими особого внимания⁴⁰, для борьбы с русофобскими настроениями на Западе Россия принимала ответные меры, стремясь воздействовать через специально создаваемые для этой цели газеты. В отчете Третьего отделения за 1833 г. отмечалось: «Предпринятая в 1833 году мера опровергать посредством иностранных газет клеветы, возводимые некоторыми из них против нашего правительства, в короткое время уже принесла значительную пользу... особенно заслуживает нашей благодарности издатель “Франкфуртской газеты” г. Дюран⁴¹, который с особенным искусством пользуется получающимися от нас сведениями и с похвальной смелостью употребляет их в своей газете на поражение клеветы»⁴². Однако спустя несколько лет Дюран переметнулся в другой лагерь: он основал в Париже в 1839 г. журнал «Капитолий», действовавший в пользу принца Луи-Наполеона. В результате, как отмечалось в отчете, «со времени основания им журнала “Капитолий” всякое с нашей стороны общение с ним прекращено»⁴³.

Помимо журналистов, финансируемых русским правительством, а также секретных агентов задачи борьбы с русофобскими настроениями и формирования правильного имиджа России возлагались на людей, выполнявших свои обязанности вполне официально. Одним из них был князь Элим Петрович Мещерский (1808—1844), единственный сын Петра Сергеевича Мещерского и Екатерины Ивановны Чернышевой, первый «интеллектуальный атташе», как его назвал французский исследователь Андре Мазон⁴⁴. Молодой, обаятельный, высокий, стройный блондин, он стал настоящей легендой еще при жизни (умер от водянки в 1844 г.). Всем своим видом князь опровергал образ «русского варвара».

Однако даже к таким утонченным и европеизированным аристократам французы все равно относились с остороженностью, воспринимая их как «чужих». Очень точно подобную настороженность описал влиятельный французский политик герцог де Брой, предварительно набросавший портрет русских аристократов в Париже: одетые с иголочки, знающие наизусть последний модный роман и рассуждающие о современной политике, как француз из предместья Сен-Жермен. С таким русским, по словам де Броя, невольно пускаешься в беседу, как с соотечественником, «и вдруг какой-нибудь

³⁸ Там же, д. 116, л. 6.

³⁹ Россия под надзором, с. 365.

⁴⁰ Еще в 1835 г. он наставлял наследника Александра: «Пренебрегай ругательствами и паквилиями, но бойся своей совести». — Император Николай Первый, с. 214.

⁴¹ Шарль Дюран (? — 1848) — главный редактор и издатель французской газеты «Journal de Francfort» в 1833—1839 гг. По ходатайству заграничного агента Третьего отделения барона Швейцера получал от русского правительства с 1833 г. по 1200 рублей в год, «чтобы он (Дюран. — Н.Т.) продолжал издание в монархическом духе и помещал в оном статьи, благоприятные для России. Вскоре назначенные суммы были удвоены, и ему передавались многие статьи для напечатания во Франкфуртской газете, но статьи эти облекались в такую форму, которая скрывала наши прямые отношения». — Цит. по: Россия под надзором, с. 110. О Дюране также см. Мильчина В. А. Шарль Дюран: французский журналист в немецком городе на службе у России. — Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004, с. 182—218.

⁴² Россия под надзором, с. 100—101.

⁴³ Там же, с. 233—234.

⁴⁴ Мазон А. Указ. соч., с. 377. Князь Элим, получивший превосходное образование, в 15 лет определенный в коллегия иностранных дел, был последовательно причислен к миссиям в Дрездене (1828—1830 гг.), Турине (1831—1833 гг.) и, наконец, к посольству в Париже (1833—1840 гг.). Одновременно с 1833 по 1836 г. он состоял парижским корреспондентом российского Министерства народного просвещения.

жест, какая-нибудь интонация голоса дают вам почувствовать, что вы находитесь лицом к лицу с самым ожесточенным врагом вашей родины»⁴⁵.

Желая просветить и изумить французов, князь Элим параллельно с формированием нужного имиджа России во французской прессе, печатанием опровержений русофобских статей продвигал свою концепцию «святой Руси» и созданный им образ родины – иконы, «христианской пирамиды», возвышающейся среди мировых чудес⁴⁶. Но французское общественное мнение относилось к таким идеям князя с подозрением, впрочем, как и его непосредственное начальство: министру С. С. Уварову, да и Поццо ди Борго Мещерский представлялся склонным к фантазиям поэтом и идеологом⁴⁷. Николаю I нужен был человек, более чуткий к действительности, нежели к теориям. Заменой князю стал Я. Н. Толстой, агент Третьего отделения Императорской канцелярии⁴⁸. В его обязанности входил негласный надзор за русскими политическими эмигрантами. Как и князь Мещерский, он регулярно просматривал парижскую прессу и, обнаружив в ней статьи антироссийского содержания, сочинял опровержения. Печатал он их в тех парижских газетах, которым русское правительство выплачивало денежную «дотацию», а для пушей убедительности подписывал статьи французскими фамилиями.

В отчете Третьего отделения за 1840 г. говорилось: «Продолжающееся в Европе, особенно во Франции, стремление к изменению существующего порядка вещей, колеблющийся дух Польши и губерний, от нее возвращенных, налагали на высшую полицию и в 1840 году первый долг наблюдать за движением умов в Европе, предупреждать вредное влияние этого движения на наше Отечество и уничтожать все, что могло клониться к нарушению спокойствия в оном»⁴⁹.

«Мониторить» ситуацию было очень важно: к концу 1830-х годов антироссийские настроения вновь активизировались на фоне обострения извечного Восточного вопроса. К концу 1839 г. конфликт между турецким султаном Махмудом II и пашой Египта Мухаммедом-Али вступил в острую фазу и привел к дестабилизации ситуации в Европе. Вследствие во многом авантюристичной политики главы французского правительства Адольфа Тьера, стремившегося к урегулированию конфликта между Турцией и Египтом исключительно при посредничестве Франции (с целью укрепить ее позиции в Египте, а заодно и в Сирии), страна оказалась в состоянии международной изоляции. 15 июля 1840 г. в Лондоне была заключена конвенция по делам Востока без участия Франции.

Император Николай I пошел на существенные уступки лондонскому кабинету, дабы заключить коллективное соглашение по делам Востока (срок действия Ункяр-Искелесийского договора истекал в 1841 г., и император понимал, что его вряд ли можно будет продлить), а заодно изолировать и проучить Францию. Во Франции все это прекрасно осознавали. Граф Нессельроде писал во всеподданнейшем отчете за 1840 г.: «Франция не скрывает от себя, что мы явились основной причиной ее политической изоляции в Европе. Она в полной мере оценила наши усилия, чтобы склонить Австрию и Пруссию на нашу сторону»⁵⁰.

Францию накрыла очередная волна русофобии. Однако нельзя утверждать однозначно, что среди политиков и в общественном мнении существовали исключительно антироссийские настроения. В парламенте и в прессе регулярно шли споры о том, кем является для Франции Россия – союзницей и примером для подражания, за что

⁴⁵ Там же, с. 478.

⁴⁶ Там же, с. 444.

⁴⁷ Там же, с. 450.

⁴⁸ О Я. Н. Толстом см. *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.

⁴⁹ Россия под надзором, с. 225.

⁵⁰ АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 9, л. 223–223об.

выступали легитимисты⁵¹, или противником и образцом ненавистой деспотии, в чем были уверены республиканцы, называвшие царствование Николая I правлением, «достойным самых варварских времен»⁵².

Российский самодержец воспринимался на Западе не только как новый Атилла. После визита в Россию в 1836 г. известного французского художника-баталиста Ораса Верне мог сформироваться и образ царя-мецената, покровителя художников. Верне дважды побывал в России (второй раз в 1842–1843 гг.), причем по личному приглашению Николая I. Он сделал для царской семьи ряд работ и был отмечен неслыханными для художника знаками отличия и материального вознаграждения. За картину «Взятие Варшавы» француз, убежденный наполеонист, получил орден Станислава 3-й степени. В свой второй приезд Верне, по-видимому, выполнял еще и дипломатическую миссию: Луи-Филипп полагал, что этот Рубенс XIX века сможет донести до Николая I идею о стремлении короля французов нормализовать двусторонние отношения⁵³.

Если одни спекулировали на антироссийских настроениях, то другие пытались привлечь дивиденды из создания позитивного образа России и ее государя. Речь идет, в частности, об упомянутом выше журналисте Ш. Дюране, решившем воспользоваться успехом Верне для восстановления своих пошатнувшихся позиций. Ему удалось убедить Александра Дюма-отца «повергнуть к стопам» императора свою новую книгу – драму «Алхимик». Честолюбивый Дюма, что называется, повелся и написал императору в высшей степени хвалебное письмо-посвящение. Николай I изображался в нем покровителем высокого идеалистического искусства в грубый материалистический век, «блистательным монархом-просветителем». Приобрести для Николая подобные титулы взамен растраченных «угнетатель Польши» и «обер-полицмейстер Европы» было бы солидным завоеванием литературной дипломатии⁵⁴. Свое послание к царю Дюма подкрепил письмом к С. С. Уварову. Министр народного просвещения сразу же оценил эффект, который могло произвести на европейского читателя письмо знаменитого французского писателя к императору Николаю, напечатанное в виде посвящения к его драме, а Дюран в письме министру Уварову намекал, что писателя, как и Верне, следовало бы наградить орденом Станислава 2-й степени, чтобы еще больше досадить полякам. Однако резолюция государя далеко не соответствовала планам Дюрана и чаяниям самого Дюма. На докладе Уварова царь написал карандашом: «Довольно будет перстня с вензелем». Что вполне понятно: ведь орден ставил награжденного в известные почетные отношения к данному государству, а перстень, хотя и с вензелем, являлся простым подарком⁵⁵.

Почему так получилось? Уваров оказался недостаточно осведомлен о театральных вкусах государя: Николай действительно любил мелодрамы, но лишь отечественного производства – Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, П. Г. Ободовского, где весь сюжет основывался на догматах официальной идеологии.

Дюма тем временем затаил обиду. «Алхимик» он посвятил не Николаю I, как того ожидал Уваров, а своей возлюбленной, актрисе Иде Феррье, исполнявшей в драме главную роль Франчески⁵⁶. Более того, спустя короткое время в журнале «Revue de Paris» появился новый роман писателя, написанный в виде фельетонов, – «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в С.-Петербурге», который доставил Николаю Павловичу много неприятных минут⁵⁷.

⁵¹ О позиции легитимистов см. *Мильчина В. А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы, с. 344–389.

⁵² *La Réforme*, 24.XI.1845.

⁵³ Об Орасе Верне см.: *Верне О.* При дворе Николая I: Письма из Петербурга. Пер., вступ. ст. и комм. Д. Васильева. М., 2008; *Nicoud G.* Horas Vernet, un modern Rubens français en Russie? – Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013.

⁵⁴ *Дурылин С.* Указ. соч., с. 504.

⁵⁵ Там же, с. 508.

⁵⁶ Там же, с. 511.

⁵⁷ Там же, с. 512.

Этому роману, посвященному истории декабриста Ивана Александровича Анненкова и его жены Прасковьи Егоровны Анненковой, урожденной Полины Гебль, был обеспечен успех у европейского читателя. Для Николая же он стал неприятным сюрпризом: роман вызывал сочувствие широкой европейской аудитории к тем людям, чьи имена были ему ненавистны⁵⁸. Кроме того, хотя Дюма ничем не задел в своем сочинении личность самого Николая I, наоборот, собственным портретом император мог бы остаться доволен, одна из глав была посвящена его отцу, императору Павлу. А тема гибели Павла I, как известно, была табуированной в России вплоть до 1905 г. До этого времени он официально считался умершим от «апоплексического удара». Дюма же преподнес иную версию, объявляя Александра I лжецом и соучастником заговора⁵⁹.

На удар из Парижа ответили контрударом из Петербурга: книгу Дюма запретили публиковать в России — как в фельетонах, так и отдельным изданием. Роман вышел на русском языке только в 1925 г.⁶⁰ А его автор смог приехать в Россию лишь в 1858 г., после смерти Николая I.

Если судить по наблюдениям наших соотечественников, побывавших в конце 1830-х годов в Париже, русофобские настроения были весьма распространены во французском обществе. Так, М. Погодин сообщая, что не пойдет «на поклон» к Адольфу Тьеру, писал: «Тьер не расположен, говорят, к России: не пойду к нему»⁶¹. Из журналистов, благожелательных к России и даже выступавших за союз с ней в противовес усилению влияния Великобритании, наш соотечественник В. Строев называл лишь редактора республиканской газеты «Le National» Армана Карреля⁶².

Проблема усиления позиций России на Востоке и в Европе очень беспокоила французское правительство, тем не менее, как уже отмечалось, среди политиков не было единства взглядов на взаимоотношения с Россией: одни настаивали на необходимости сближения с ней в целях противодействия ближневосточной политике Великобритании, другие считали Россию главным противником Франции на Востоке. Так, пэр Франции граф Ш.-Ф. Монталамбер именно в укреплении позиций России в Европе и на Востоке усматривал главную опасность для Франции. Выступая в Палате пэров 17 ноября 1840 г., он заявил: «Главная опасность заключается в установлении преобладающего влияния России в Европе... Я не понимаю, какая фатальная иллюзия заставляет нас видеть опасность там, где ее еще нет, и не видеть там, где она реально существует». По словам Монталамбера, Россия уже опутала Европу со всех сторон; единственная преграда, сдерживающая ее проникновение в Европу, — это Константинополь. «Возблагодарим Бога, — сказал он, — что мы можем поворачивать этот ключ (Константинополь. — *Н.Т.*), поскольку, когда она им завладеет, она выйдет еще и на просторы Балтики, и тогда будет ущемлена не только свобода мореплавания в Средиземноморье, но и другие свободы»⁶³.

Откровенно антирусскую позицию занял и лидер династической левой Одилон Барро. В его речах можно обнаружить весь набор русофобских штампов. 3 июля 1839 г. в своем выступлении в Палате депутатов он подчеркнул недопустимость усиления позиций России на Востоке, отметив, что внутренний конфликт между султаном и пашой вышел за национальные рамки именно по причине вмешательства во внутренние дела Османской империи России. «Почему мы так тревожимся из-за конфликта между Турцией и Египтом? — вопрошал Барро. — Единственно потому, что его обострение ведет к интервенции российской армии. Представьте, что эта интервенция невозможна: тогда в этом деле останется только домашняя распря между могущественным вассалом и его сюзереном, распря, которая может прекратиться сама». По мнению Барро, Восточный кризис означал не конфликт между западной и восточной цивилизацией, но конфликт

⁵⁸ Там же, с. 513.

⁵⁹ Там же, с. 515–516.

⁶⁰ Там же, с. 517.

⁶¹ Погодин М. П. Указ. соч., ч. 3–4, с. 24.

⁶² Строев В. М. Указ. соч., ч. 2, с. 83.

⁶³ Le Moniteur universel, 18.XI.1840, p. 2262.

«между цивилизацией западной и цивилизацией русской». Именно для того чтобы последняя не поглотила первую, сказал он, «мы должны любой ценой не допустить поглощения Россией Османской империи и оккупации ею Константинополя»⁶⁴.

Для противодействия этому, считал Барро, существовало только одно средство — взаимные действия Франции и Великобритании, способные противостоять русской опасности⁶⁵. К тому же, по словам политика, именно Франция, как страна, имеющая не столько политические, сколько моральные интересы на Востоке, должна была стать инициатором подобного европейского союза, который он именовал «оборонительным альянсом против нового вторжения варваров». Следствием такой политики, с точки зрения Барро, стало бы изменившееся положение Франции в Европе, когда она, а не Россия, выполняла бы функции «державы — хранительницы европейского порядка», которые Россия «узурпировала» в 1815 г. При этом Барро подчеркнул, что Франция в отличие от России не превратится в «жандарма Европы», а будет содействовать развитию «свободы и истинной европейской цивилизации»⁶⁶.

В годы обострения Восточного вопроса во Франции выходило много книг и брошюр антирусского содержания. В одной из таких брошюр, опубликованной еще в 1836 г. под названием «Последние интриги России в Молдавии и Валахии», отмечалось: «Постыдные трактаты 1815 г., союз всех деспотов Европы... коррупция, раболепие государственных деятелей, — все это в течение пятнадцати лет снабжает Россию, эту эксцентричную державу-завоевательницу, возможностями и средствами для расширения своей империи и увеличения своих сил»⁶⁷.

По соображениям идеологического характера против сближения с Россией выступала республиканская оппозиция. Газета «*La Réforme*» писала: «В отношениях между северным двором и родиной революции интересы промышленности, торговли и геополитики отходят на второй план, поскольку существует вечная ненависть двух принципов, великий долг мщения, который их разделяет»⁶⁸.

Однако были во Франции в эти годы и сторонники сближения с Россией, полагавшие, что именно в союзе с ней Франция сможет противодействовать усилению позиций Великобритании на Востоке. В одном из донесений из Парижа в 1839 г. министр иностранных дел Турции Мустафа-Решид подчеркивал, что во Франции существуют сторонники России, утверждающие, что укрепление позиций России в Османской империи противоречит лишь интересам Великобритании, а не Франции и что в случае союза с Россией Франция сможет расширить свои границы на Рейне и территории на границе с Бельгией⁶⁹.

18 ноября 1840 г. пэр Франции Буасси д'Англа, выступая в Палате пэров, заявил, что Россия, понимая, что единолично урегулировать Восточный вопрос ей не позволят другие европейские державы, должна была заручиться союзниками. Единственным союзником России, по его мнению, могла быть не Великобритания, а именно Франция: «Франция является единственной из всех великих европейских держав, к которой Россия может обратить свои взоры». Такой союз, сказал политик, мог быть «взаимно полезным и взаимно искренним». Правда, он не объяснил, на основе каких общих принципов и интересов могло произойти подобное сближение, но показал возможные положительные перспективы такого союза. Во многом его идеи напоминали план, предложенный в годы Реставрации князем Ж. Полиньяком. Предоставив России свободу действий в Османской империи, Франция, считал Буасси д'Англа, может рассчитывать на благоприятную

⁶⁴ *Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot*, т. 1—4. Paris, 1875—1876; т. 1, р. 344—345.

⁶⁵ *Le Moniteur universel*, 29.XI.1840, р. 2337.

⁶⁶ *Barrot O. Op. cit.*, т. 1, р. 344—345.

⁶⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, д. 169, л. 327; *Dernières intrigues de la Russie en Valachie et Moldavie*. Paris, 1836, р. 5.

⁶⁸ *La Réforme*, 8.XII.1846.

⁶⁹ *Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.)*. М., 1980, с. 88.

позицию России в вопросе пересмотра Венских трактатов и даже возможного обретения Францией левого берега Рейна и в целом расширения ее границ⁷⁰.

Эта же мысль была развита одним из лидеров левой оппозиции Франсуа Могеном. Выступая в Палате депутатов 3 декабря 1840 г., он отметил, что интерес Франции на Востоке полностью сосредоточен на Александрии, а Константинополь важен для нее с точки зрения европейского равновесия. Исходя из этой оценки интересов Франции на Востоке, Моген подверг критике политику кабинетов Сульта (министерство 12 мая 1839 г.) и Тьера (министерство 1 марта 1840 г.), которые, по его мнению, придавали первостепенную важность именно вопросу о недопущении установления исключительного влияния России в Константинополе, а Александрию и Египет рассматривали как второстепенные вопросы. С точки зрения Могена, заключение Лондонской конвенции о проливах 15 июля 1840 г. явилось естественной реакцией России на антирусские действия или, по крайней мере, на заявления Франции. В результате Моген сделал следующий вывод: «Если Константинополь будет у России, — сказал он, — она станет морской державой и нашим союзником. В Средиземноморье, как и в Океании, будут три морские державы». Таким образом, Моген полагал, что укрепление позиций России в Константинополе было бы только на руку Франции, создав противовес морскому могуществу Великобритании. «Повредит ли нам третья держава в Океании? Напротив, это позволит нам сохранить европейское равновесие. Третья держава в Средиземноморье создаст баланс сил, и необходимо, чтобы эта держава стала нашей союзницей», — подчеркнул он⁷¹.

В России обратили внимание на его выступление. В отчете Третьего отделения отмечалось: «В прошедшем году Моген доказывал в одной речи, что Франция должна воевать не против Европы, а против Англии, представляя возможность союза с Россией. Эта речь весьма одобрена была французскою публикою, сильно восстановленною против Англии Июльским трактатом (Конвенцией 15 июля 1840 г. — *Н.Т.*)». Кроме того, в отчете говорилось, что успехи англо-австрийских войск в Сирии «увеличили ненависть французов к Англии, и с того времени во всех партиях заметно сильное влечение к России». Сообщалось, что даже Ж. Лаффит, политик леволиберальных взглядов, «утверждал, что, если бы он был главою правительства, то, кроме чести Франции, он всем бы пожертвовал, дабы заключить союз с Россией». Одним словом, в отчете делался оптимистичный вывод: «Унизительное положение, в которое поставлен был французский кабинет Июльским трактатом и которое французы приписывают англичанам, наконец, неприязненное расположение Германии, где обнаруживается сильнейшее противодействие гибельному потоку пропаганды, все это повлекло раздраженные умы во Франции желать союза с Россией»⁷².

Конечно, российские чиновники порой выдавали желаемое за действительное, дабы успокоить государя. Но и у российской разведки были основания надеяться на благоприятные перемены в состоянии общественного мнения: Тьер, настаивавший на политике реваншизма, был отправлен Луи-Филиппом в отставку. 29 октября 1840 г. король сформировал кабинет во главе с маршалом Н. Сультом, в котором реальным лидером был министр иностранных дел Ф. Гизо. Формирование министерства нашло благоприятный отклик в Санкт-Петербурге, поскольку в Тьере видели главного противника Лондонской конвенции и наиболее опасного врага европейского мира. В Петербурге надеялись, что правительство Сульта — Гизо более взвешенно подойдет к решению Восточного вопроса. Именно благодаря продуманной внешнеполитической линии Гизо Франции удалось выйти из международной изоляции: 13 июля 1841 г. была заключена Вторая Лондонская конвенция по делам Востока, и Франция вернулась в «европейский концерт».

Если во Франции в эти годы были сильны антирусские настроения, то российское общество не испытывало неприязни к Франции. В XIX в. выявилась, на первый

⁷⁰ Le Moniteur universel, 19.XI.1840, p. 2272.

⁷¹ Le Moniteur universel, 3.XII.1840, p. 2371.

⁷² Россия под надзором, с. 249–251.

взгляд, парадоксальная особенность: большая, с огромным числом жизней с обеих сторон война между Россией и Францией, принесящая разорение и экономический упадок, не породила в русском обществе настроений франкофобии. Как справедливо отмечал академик А. О. Чубарьян, над этой проблемой еще предстоит думать и психологам, и историкам⁷³. В отчете Третьего отделения за 1839 г. отмечалось: «Во всех обществах, где только заговорят о политике, обвиняют правительство в излишней уступчивости Австрии и Англии и в излишней ненависти к правительству французскому, особенно к Людовику-Филиппу»⁷⁴. В документе подчеркивалось, что общество не разделяет такого мнения (об этом доносил и посол Франции в России барон П. де Барант). «Насчет Франции все убеждены в той истине, что если б не было на престоле Людовика-Филиппа, — говорилось в отчете, — то Европе не миновать общей революционной волны, которая была бы весьма опасна для монархий. Он один удерживает Францию в монархических узах, и все убеждены, что после Людовика-Филиппа будет замешательство во Франции, которое непременно выбросит пламя в Европу и зажжет ее. Людовик-Филипп жаждет искренней дружбы с Россией. Говорят в шутку, что он исправляет во Франции должность русского полицмейстера и, наблюдая за польскими выходцами, доносит об них русскому правительству. Общее мнение утверждает, что лишь только Людовик-Филипп закроет глаза — Франция будет республикой»⁷⁵.

После урегулирования Восточного кризиса отношения между нашими странами не улучшились. Более того, в 1841 г. произошел дипломатический инцидент, связанный с отъездом из Парижа российского посла графа П. П. Палена, занемогшего «по приказу» из Санкт-Петербурга. В отсутствии тогдашнего старейшины дипломатического корпуса австрийского посла графа Р. Аппоньи Пален должен был от имени дипломатического корпуса поздравлять Луи-Филиппа с Новым годом, чего не мог допустить император Николай. Барант в свою очередь получил приказ покинуть российскую столицу. В результате уровень дипломатического представительства был понижен — интересы двух стран представляли поверенные в делах. В Париже это был Н. Д. Киселев (вплоть до революции 1848 г.). В Петербурге до 1848 г. сменилось несколько поверенных: Казимир Перье, барон д'Андре, Альфонс де Райневаль, Анри Мерсье. Внешне отношения между странами были вполне нейтральными.

В нравственно-политическом отчете Третьего отделения за 1843 г. отмечалось: «В течение минувшего года парижская журналистика, к немалому удивлению, в сравнении с предшествующими годами, хранила глубокое молчание о России, обезоруженная презрением, которым мы отвечали на ее нападения. Но, с другой стороны, это молчание приписывают тому, что все внимание Франции обращено было на создание системы оборонительных укреплений вокруг Парижа (идефикс Луи-Филиппа), на войну в Алжире, на Маркизские острова, на Испанию, Ирландию и на предметы личных совещаний королевы Виктории с Людовиком-Филиппом»⁷⁶.

Но то было лишь затишье перед бурей. В том же году увидела свет книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», написанная им на основе его путешествия по России. Кюстин, отец и дед которого были гильотинированы в эпоху террора, прибыл в Россию с самым искренним намерением найти здесь веские аргументы для борьбы с либерально-конституционными веяниями Июльской монархии. Поездка в Россию явилась для него своего рода экспериментом: он хотел понять, способна ли абсолютная монархия оправдать надежды, которые на нее возлагали французские легитимисты.

Однако когда Кюстин объездил Россию, побывал при дворе и в обществе, исколесил страну от Петербурга до Москвы, от Ярославля до Нижнего, увидел крепостную деревню, российские канцелярии, познакомился с губернаторами, судьями, полицией и т.д., он написал обширный четырехтомный памфлет, в котором его впечатления

⁷³ Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013, с. 6.

⁷⁴ Россия под надзором, с. 198.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, с. 311.

вылились в форму сатирической публицистики⁷⁷. Кюстин вернулся из России противником абсолютной монархии и сторонником представительного правления как наименьшего из зол⁷⁸. «Уезжая из Парижа, — писал он, — я полагал, что лишь тесный союз Франции и России способен внести мир в европейские дела; но, увидев вблизи русский народ и узнав истинный дух его правительства, я почувствовал, что этот народ отделен от прочего цивилизованного мира мощным политическим интересом, опирающимся на религиозный фанатизм; и мне думается, что Франция должна искать себе поддержку в мире тех наций, которые согласны с нею в своих нуждах»⁷⁹.

Публикация этого памфлета привела к очередному мощному витку информационной войны между Россией и Францией. У Кюстина во Франции появилась целая плеяда последователей-подражателей. В России книга была немедленно запрещена, благодаря чему стала одной из самых читаемых в свете в сезон 1843/44 г. Несмотря на то что официально было решено «взирать на все, что публикуется о России, с совершенным равнодушием... нимало не заботясь ни о каких толках и слухах»⁸⁰, российское правительство было обеспокоено поисками достойного ответа на нашумевшую книгу-памфлет.

В нравственно-политическом отчете Третьего отделения за 1843 г. отмечалось, что «два опровержения на сочинение Кюстина уже вышли в свет⁸¹, одно еще выйдет. Но самым беспристрастным изобличителем наглой клеветы Кюстина будет его соотечественник Оже (Auger), природный француз, который с 1814 до 1817 г. находился на русской службе. Движимый благодарностью к гостеприимной России, он печатает свое путешествие и в нем на каждом шагу опровергает Кюстина»⁸².

Ипполит Оже, служивший юнкером в Измайловском полку, планировал совместно с Н. И. Гречем написать водевиль «Путешествие по России» («Voyage en Russie»), в котором высмеивался бы маркиз де Кюстин. Предполагалось поставить пьесу на сцене парижского театра Дё ля Порт Сен-Мартен. Греч просил денег на постановку у Третьего отделения. Николай I распорядился удовлетворить просьбу литераторов, но, когда в январе 1844 г. Оже приехал в Петербург, его отношения с Третьим отделением были по непонятной причине прерваны⁸³.

Некоторые французы также стремились разрушить представления о русских как о «варварах». В 1843 г. легитимист граф Поль де Жюльвекур — парижанин, женатый на русской даме, Лидии Николаевне Кожиной, побочной дочери Н. С. Всеволожского, любящий русскую культуру, — выпустил целый роман под названием «Русские в Париже». Описывая нравы и традиции русских людей, он пытался убедить своих соотечественников в том, что, несмотря на некоторые причуды и странности, русские — не дикие варвары, какими их изображала недоброжелательная французская пресса, а самые обычные и в общем вполне европейские люди⁸⁴. Как писал князь А. В. Мещерский, «граф Жюльвекур, сделавшись русофилом, был один из числа первых и редких в то время французов, искренне возмущенных несправедливыми толками, распространенными на Западе о России и о русских вообще. Он первый задался целью исправить эту несправедливость, восстановить истину доступными для него средствами, изменить общественное мнение во Франции в пользу России и способствовать

⁷⁷ Гроссман Л. Бальзак в России. — Литературное наследство, 1937, т. 31/32, с. 156.

⁷⁸ Литература о книге А. де Кюстина обширна. См., в частности: Мильчина В. Несколько слов о маркизе Кюстине, его книге и первых русских читателей. — Мильчина В., Основат А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.

⁷⁹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году, т. 1–2. М., 1996; т. 2, с. 346.

⁸⁰ Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы, с. 259.

⁸¹ Имеются в виду брошюра «Реплика о сочинении маркиза де Кюстина “Россия в 1839 году”» К. Лабенского, поляка на русской дипломатической службе, выпущенная (анонимно) в Париже в сентябре 1843 г., и статья французского журналиста Ж. Шод-Эгу в журнале «Revue de Paris» в декабре того же года. — Россия под надзором, с. 340.

⁸² Там же, с. 311.

⁸³ Там же, с. 340.

⁸⁴ Мильчина В. А. Париж в 1814–1848. Повседневная жизнь, с. 875–876.

сближению этих народов»⁸⁵. Граф размещал статьи во французских журналах и, сам будучи поэтом, издал в стихах перевод русских народных песен в сборнике «Бала-лайка». Правда, отмечал князь Мещерский, это издание большого успеха не имело⁸⁶.

«Наш ответ Кюстину» вполне мог бы выйти из-под пера величайшего романиста того времени Оноре де Бальзака, в самый разгар полемики собравшегося отправиться в Петербург к своей возлюбленной Эвелине Ганской. Этой поездкой решили воспользоваться российские дипломаты, прежде всего поверенный в делах России во Франции Н. Д. Киселев. В шифрованной депеше Нессельроде от 24(12) июля 1843 г. он отмечал: «Идя навстречу денежным потребностям г. де Бальзака, можно было бы использовать перо этого автора, который сохраняет еще некоторую популярность здесь, как вообще в Европе, чтобы написать опровержение враждебной нам и клеветнической книги г. де Кюстина»⁸⁷.

Российские дипломаты рассуждали весьма здраво и правильно понимали ход мыслей Бальзака, который всегда мечтал о большой государственной деятельности. Он очень хотел бы утвердиться в Петербурге и достичь здесь того, чего ему не удалось достичь в Париже Луи-Филиппа, — стать влиятельным политическим деятелем, крупной общественной фигурой. Одновременно он стремился разделить с Ганскими и Мнишками обладание целыми уездами Киевщины, Подолии и Волыни⁸⁸.

Однако ставка на Россию оказалась одной из последних иллюзий Бальзака. Он явился в Россию не вовремя. Придворные круги Петербурга, только что обжегшиеся на приеме Кюстина, официально игнорировали Бальзака⁸⁹. Он вызывал сильнейшее подозрение у российских властей и как бы отвечал перед ними за Кюстина. После пережитого полуофициального «бойкота» в петербургском свете Бальзак заметно охладил к Николаю I, хотя раньше преклонялся перед ним, говоря, что личность императора «успокаивала его тревоги за будущность Европы»⁹⁰. Николай же сохранял по отношению к французскому романисту позицию неприступности⁹¹. Именно по этой причине и не состоялся бальзаковский анти-Кюстин. Внешняя политика — это резервированный сектор императора. Одно дело — намерения и идеи дипломатов, другое — позиция государя. А государь был настроен против Бальзака.

За время своего пребывания в Петербурге Бальзак разочаровался во многом. Впоследствии он занес в свою запись о путешествии в Россию несколько горестных впечатлений, облеченных, впрочем, в юмористическую форму: «Немало глупцов утверждало, что его величество император всероссийский возымел мысль опровергнуть книгу г. Кюстина каким-либо французским пером и предложил мне за это достаточное количество крестьян во время моего пребывания в Петербурге. Заявляю поэтому, что мне действительно пришлось видеть императора Николая на расстоянии пяти метров (когда писатель присутствовал на военном параде в Красном Селе — единственная любезность, оказанная ему. — *Н.Т.*), что меня он никогда не видел, а стало быть, и не говорил со мной». Именно тогда Бальзак назвал Николая I «калифом в мундире». «Падишах Стамбула в сравнении с русским царем — простой супрефект», — заметил он⁹².

А между тем Бальзак действительно имел намерение выступить с опровержением Кюстина. В своем неоконченном «Письме о Киеве» он обстоятельно высказывается «на счет книг, опубликованных до сих пор о России», и в частности о сочинении Кюстина: «Если изъять из этой книги все мысли князя Козловского, чье имя можно назвать, ибо он умер, если обойти две или три романтические версии, сообщенных для нее самим

⁸⁵ Мещерский А. В. Из моей старины. — Николай I. Портрет на фоне эпохи. М., 2011, с. 233–234.

⁸⁶ Там же, с. 234.

⁸⁷ Гроссман Л. Указ. соч., с. 155.

⁸⁸ Там же, с. 149.

⁸⁹ Там же, с. 206.

⁹⁰ Там же, с. 202.

⁹¹ Там же, с. 204.

⁹² Там же.

императором, в ней останутся только эпиграммы о неизбежных явлениях, порожденных климатом, ряд совершенно ошибочных мнений о политике, описание русского великолепия и ряд общих мест в чрезвычайно нарядном облачении. Г-жа де Сталь в некоторых страницах своего “Десятилетия в изгнании” лучше описала Россию, нежели это сделал г. де Кюстин»⁹³.

Итак, Бальзак уехал, а антирусские статьи выходили во Франции и в дальнейшем. «Недоброжелательство к России, — сообщалось в отчете Третьего отделения за 1844 г., — как и в прежние годы, проявлялось наиболее в журналах. Они продолжали объявлять клеветы на Россию и каждый замечательный случай перетолковывали в дурную для нас сторону»⁹⁴. Как отмечалось в отчете, успех книги Кюстина «породил зависть в многих спекуляторах, и некто Витт объявил в журналах о намерении своем издать книгу под заглавием «Cinq années de résidence en Russie depuis 1828 à 1843» («Пять лет пребывания в России. 1828—1843». — *Н.Т.*). “Le Journal des Débats”, извещая об этой книге, присовокупил, что в ней будут описаны вопиющие несправедливости, будто бы происходящие в России. Сочинитель должен быть какой-либо спекулятор, бывший в России и обманувшийся в своих надеждах»⁹⁵. В том же году, сообщалось в отчете, вышла работа Фурье «Россия, Германия и Франция, или Разоблачение русской политики»⁹⁶. В России полагали, что эта брошюра была составлена поляком, графом Яблоновским. В 1844 г. во Франции была также опубликована книга «Тайны России» («Les Mystères de Russie»), которую, как говорилось в документе, следовало бы назвать «Клеветы на Россию» («Les calomnies sur la Russie»). Впрочем, «все выходки писателей 1844 года столько незначительны по достоинству сочинений, что не обратили на себя внимания даже недоброжелателей России»⁹⁷.

Рост антирусских публикаций был спровоцирован не только работой Кюстина, но и внешнеполитическими событиями. В июне 1844 г. Николай I под именем графа Орлова совершил поездку в Великобританию. Во Франции этот визит вызвал серьезную обеспокоенность: французы опасались англо-русского сближения и возможного заключения двустороннего соглашения по делам Востока. Эти опасения подогревались осложнением франко-английских отношений из-за военных действий Франции на территории Марокко, что очень беспокоило Великобританию, а также вследствие политики Франции в Океании, спровоцировавшей англо-французский конфликт (так называемое «дело Притчарда»).

Непосредственно после визита Николая I в Лондон во Франции вышло порядка 10 анонимных работ антирусской направленности. Об этом, в частности, сообщалось в книге французского адвоката Шарля Дюэза, опубликованной в том же 1844 г., в которой автор представил критический анализ упомянутой выше работы «Тайны о России» и сочинения маркиза де Кюстина. Сам Дюэз вовсе не страдал русофобией, наоборот, весьма позитивно оценивал императора Николая как политического деятеля. Он убеждал читателей, что визит Николая I в Лондон вовсе не означает заключения союза антифранцузской направленности. (В историографии 1841—1846 гг., когда во главе внешнеполитического ведомства Великобритании находился Дж. Г. Абердин, рассматриваются как период англо-русского сближения.) Автор характеризовал российского императора так: «Его намерения необъятны, а манера исполнения — проста; ни один государь не обладает в большей степени, нежели он, искусством с легкостью выполнять самые сложные дела и проворно выходить из затруднений... Он умеет наказывать, но еще больше он умеет прощать»⁹⁸.

⁹³ Цит. по: Там же, с. 205.

⁹⁴ Россия под надзором, с. 347.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Fournier*. Russie, Allemagne et France, ou révélations sur la politique Russie. Paris, 1844.

⁹⁷ Россия под надзором, с. 347.

⁹⁸ *Duez Ch.* Critique des Mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l'extrait du voyage de l'empereur. Paris, 1844, p. 118.

Антироссийская риторика звучала и в сочинениях наших соотечественников, обиженных властью. В 1845—1847 г. вышли книги публициста-эмигранта Ивана Гавриловича Головина «Россия во время правления Николая I» («La Russie sous Nicolas I») и «Русские типы и характеры» («Types et caracteres Russe») ⁹⁹. В отчете Третьего отделения о первой говорилось: «Эта книга написана столь дурно и так мало обнаруживает таланта, что ее почти никто не читает, и ни один журнал не похвалил» ¹⁰⁰. А вторая в отчете за 1847 г. характеризовалась как «сбор грубых вымыслов с намеками на известных лиц, доказывающий только дурные качества самого сочинителя; он не пощадил ничего самого священного в России и излил на все оскорбительные ругательства» ¹⁰¹.

В 1847 г. в Париже вышла в свет книга Николая Ивановича Тургенева «Россия и русские» («La Russie et les Russe») ¹⁰². Работа, состоящая из трех томов, была издана одновременно в Париже, Брюсселе и Гааге на французском языке, потом в Берлине на немецком ¹⁰³. (Первый полный перевод на русском языке появился только в 2001 г.) Реакция Третьего отделения на эту книгу тоже в целом была спокойной. Третье отделение отмечало, что это сочинение «принято было некоторыми журналистами с одобрением, но, не заключая в себе ничего любопытного для иностранцев, не имело большого успеха». И делало вывод, что Тургенев «представляет Россию в таком виде, в каком она была лет за 20 перед сим, и ему, по-видимому, неизвестно о гигантских успехах, сделанных нашим Отечеством с того времени» ¹⁰⁴.

В наступившем 1848 г. французам было уже не до России. В феврале в стране разразилась революция, приведшая к крушению режима Июльской монархии.

* * *

Начиная со второй трети XIX в. антирусские настроения зачастую доминировали не только во Франции, но и по всей Европе. Активная и успешная внешняя политика Российской империи, значительное влияние России в Европе вызывали опасения относительно нарушения европейского статус-кво, хотя Николай I стремился именно к сохранению порядка вещей, зафиксированного Венским конгрессом. Если в начале XIX столетия антироссийские настроения сдерживались перед лицом общего врага, Наполеона I, то спустя 15 лет именно Россия начала рассматриваться как новый агрессор, стремящийся подмять под себя не только Запад, но и Восток. А ксенофобскими идеями всегда проще формировать нужное общественное мнение, затушевывать собственные проблемы перед лицом внешнего врага, причем неважно, реального или мнимого. Для оппозиции это всегда надежное средство дискредитации власти, борьбы за министерские посты и привилегии, а также за голоса избирателей, падких на подобного рода сомнительные идеи. Однако информационная война чревата перерастанием в войну настоящую. Так и случилось, когда в 1853 г. западные державы объединились против России, разрушив европейское равновесие, существовавшее к тому времени на протяжении почти 40 лет.

---

⁹⁹ И.Г. Головин образование получил в Дерптском и Берлинском университетах, служил в Министерстве иностранных дел. Уехал за границу и в 1845 г. перешел в английское подданство. Книга «La Russie sous Nicolas I» надолго лишила его возможности вернуться на родину. После смерти Николая I был прощен императором Александром II и возвратился в Россию. — Россия под надзором, с. 377.

¹⁰⁰ Там же, с. 364.

¹⁰¹ Там же, с. 395.

¹⁰² *Николай Иванович Тургенев (1789—1871)* — обучался в Московском и Гёттингенском университетах; участвовал в деятельности ранних декабристских обществ, член «Союза благоденствия». В 1824 г. уехал за границу. Был заочно осужден и приговорен к каторжным работам навечно. В 1857 г. возвратился в Россию и был восстановлен в правах. Автор многих работ экономического характера.

¹⁰³ *Житомирская С.* Голос с того света. — *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 2001, с. 624.

¹⁰⁴ Россия под надзором, с. 395.